

Дубровских Александр Александрович

КЛАССИЧЕСКАЯ ЛОГИКА СНЯТИЯ И НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ЛОГИКА ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ

В данной статье рассматривается проблема взаимоотношений классической рациональности и неклассического разума как двух историко-логических формаций. Автор считает, что историческая ретроспекция над формами и структурами рациональности является конститутивной установкой разума. Классическая форма ретроспекции определяется логикой снятия, неклассическая историческая рефлексия - логикой дополнительности. Исходя из этого, становится возможным разрешение проблемы соотношения двух формаций рациональности на основе диалогического общения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/9-2/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (59): в 2-х ч. Ч. II. С. 72-75. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. **Мосейко А. Н.** Распространение христианства на Мадагаскаре и его взаимоотношения с традиционными верованиями // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. № 6. С. 94-105.
6. **Пятигорский А. М.** Этнос или религия? [Электронный ресурс]. URL: <http://prometa.ru/archive/csi/5/4> (дата обращения: 03.05.2015).
7. **Халид А.** Постсоветские судьбы среднеазиатского ислама // Конфессия, империя, нация: религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства. М.: Новое издательство, 2012. С. 316-346.

ROLE OF RELIGION IN DEVELOPING ETHNIC SELF-CONSCIOUSNESS OF PERSONALITY

Dobykina Asya Alekseevna
Saint Petersburg State University
asienda@yandex.ru

The article examines the importance of religion in the formation and development of the ethnic self-consciousness of a personality, both at the modern stage and retrospectively. Confession is one of the most important components of ethno-national self-consciousness. The author provides examples of different developmental types of the relations of ethnic and religious components in the formation of national ideologies, analyzes the importance of religion in preserving ethnic originality.

Key words and phrases: ethnos; religion; ethnic self-consciousness; nationalism; ethnic consolidation; ethno-confessional community; ethnic separation.

УДК 141.132

Философские науки

В данной статье рассматривается проблема взаимоотношений классической рациональности и неклассического разума как двух историко-логических формаций. Автор считает, что историческая ретроспекция над формами и структурами рациональности является конститутивной установкой разума. Классическая форма ретроспекции определяется логикой снятия, неклассическая историческая рефлексия – логикой дополнительности. Исходя из этого, становится возможным разрешение проблемы соотношения двух формаций рациональности на основе диалогического общения.

Ключевые слова и фразы: классическая рациональность; снятие; неклассический разум; принцип дополнительности; коммуникативная установка; диалогическое Целое.

Дубровских Александр Александрович
Воронежский государственный педагогический университет
dybrowskyh@mail.ru

КЛАССИЧЕСКАЯ ЛОГИКА СНЯТИЯ И НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ЛОГИКА ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ[©]

Естествоиспытатели в области физики микромира столкнулись с объектом, исследование которого было сопряжено с невозможностью применения классических методов наблюдения. Стало очевидным, что необходимым требованием, предъявляемым к наблюдению, является соотнесенность с онтологическим измерением объекта, с его размерностью. Разработка теоретических основ наблюдения объектов микромира выявила необходимость учитывать вовлеченность субъекта в процесс наблюдения. «Неизбежное взаимодействие между объектами и измерительными приборами ставит абсолютный предел для возможности говорить о поведении атомных объектов как о чем-то, не зависящем от средств наблюдения» [7, с. 42]. Размерность объекта макромира делает ничтожным значение субъективного вмешательства, и классическая научная онтология закономерно исходила из того, что поведение наблюдаемого объекта не зависит от средств наблюдения. Если классическая установка основывалась на том, что присутствие наблюдающего субъекта и его воздействие на наблюдаемый объект бралось за скобки, то наблюдение объектов микромира, напротив, показало необходимость присутствия субъекта в процессе наблюдения. Конститутивным требованием неклассической научной онтологии стала необходимость вписать опыт наблюдающего субъекта в онтологическую структуру мирового Целого. Данное онтологическое допущение является одним из важнейших следствий принципа дополнительности, определившего логику неклассического разума. «Сформулированный Н. Бором в связи с интерпретацией квантовой механики принцип дополнительности имеет универсальную значимость», – утверждает В. Н. Порус [Там же, с. 71]. В подтверждение его слов можно отметить то, что Н. Бор находил прямое соответствие между наблюдением в области физики микромира и наблюдением в таких гуманитарных науках, как психология и этнология: «При изучении культур первобытных народов этнологи не только отдают себе отчет в риске испортить такую культуру неизбежным контактом, но и встречаются,

кроме того, с проблемой взаимодействия таких исследований на собственную позицию как людей» [2, с. 48]. Гуманитарное знание, научный статус которого в горизонте установок классической рациональности был проблемным, получало тем самым свое эпистемологическое обоснование. Принцип дополнительности, по замечанию В. Н. Поруса, из частнонаучного методологического требования преобразуется в конститутивный принцип неклассического разума. Требование включенности присутствия субъекта в онтологические структуры мирового Целого исходит из принципа дополнительности и предполагает, что множественность перспектив наблюдения не снимается в Целом Знания. Это Целое основано на абсолютной точке зрения, а само мировое Целое является Целым, осуществленным во множестве неснимаемых перспектив. Дополнительность двух точек зрения была продемонстрирована Н. Бором на примере соотношения квантовой теории и волновой теории света. «Нет никаких шансов последовательно описать световые явления, выбрав только одну из двух возможных теорий. Положение таково, что мы должны применять иногда одну теорию, а иногда – другую, а время от времени – и ту, и другую» [8, с. 268]. Следование принципу дополнительности делает невозможным проведение классической эпистемологической установки на тотализацию двух точек зрения как противоположностей, с последующим их снятием в непротиворечивом Целом. Неспособность проведения установки на тотализацию Знания по логике снятия рассматривалась классическим разумом как отказ от рационального постижения Целого. При вхождении в ситуацию наличия двух правомерных и теоретически обоснованных точек зрения, как отмечал Б. С. Дынин, классический разум квалифицировал данную эпистемологическую конфигурацию как временное затруднение, которое ждет своего разрешения в будущем. Но при сопоставлении, например, общей теории относительности и квантовой механики мы имеем дело с расколом в теоретическом знании, который является конститутивным для научной неклассической рациональности. «Речь идет не об ограниченности наших знаний о природе, но о несовместимости фундаментальных теорий науки, каждая из которых продемонстрировала свою истинность (верифицируемость) в широких спектрах наблюдений» [3, с. 105]. В пределе можно говорить о наличии двух правомерных эпистемологических установок: классической логики снятия, задающей представление о теоретическом Целом как непротиворечивом единстве, и неклассической логики дополнительности, определяющей теоретическое Целое как расколотое единство. Описание этих разнонаправленных установок является предварительным условием для постановки проблемы их исторического и логического взаимодействия. Очевидно, что классическая рациональность не требует для себя какого-либо дополнения. Классический разум допускает конститутивный для неклассического разума разрыв в теоретической ткани только в качестве открытого поля для своих тотализирующих усилий. Неклассическая рациональность, настаивающая на абсолютности разрыва, напротив, может принять классический разум в качестве дополнительной себе точки зрения. Это простое соображение отсылает к непростому вопросу о значимости классической рациональности как дополнительной точки зрения для неклассического разума. Внесем в наше рассуждение допущение того, что ретроспекция является конститутивным моментом рациональности. Именно различие между классической формой рефлексии над историческими основами структур и форм разума и неклассической ретроспекцией лучше всего демонстрирует то, что неклассика состоялась как форма рациональности, отличная от эпистемологической формации, определенной классическим разумом.

Классическая мысль обрела свою завершенность как раз в тот момент, когда историческая рефлексия над структурой и формой разума была признана в качестве конститутивной основы рациональности. Гегелевская система демонстрировала, каким образом классическая ретроспекция образует структуру самой классической рациональности и задает содержание каждому своему формообразованию. Именно поэтому завершенность истории классической рациональности является не катастрофическим, привнесенным извне происшествием, но результатом реализации имманентной классическому разуму потребности в ретроспекции. Радикальное проведение этой потребности как раз и произвело герметизацию классического разума в замкнутую тотальность. Проведение тотализирующей классической ретроспекции подразумевало то, что ее историко-логическим результатом может быть только тотальность классического разума, способная со всей решимостью тотализировать свою предысторию. Если тотализирующая классическая рефлексия над историческими основами структуры и форм рациональности предполагает развертывание логики снятия в историческом пространстве, то неклассическая ретроспекция предполагает обнаружение дополнительной формообразований рациональности, существовавших в прошлом. Классическая рациональность, обращаясь к пространству истории, стремилась обнаружить в нем свою предысторию. Неклассическая историческая эпистемология, напротив, отказываясь от тотализации прошлого рациональности, была заинтересована в раскрытии различия между историческими формообразованиями разума. Классическая ретроспекция соотносит прошлое рациональности со своей «развитой» формой как образцом, при сравнении с которым определяет степень научности того или иного исторического формообразования теоретической науки. Очищенный классической ретроспекцией исторический материал теоретических формообразований прошлого являет научное ядро, значимое для тотализирующего свою предысторию разума. Это дистиллированное усилиями тотализации ядро рассматривается как «зародыш», из которого вырастает «развитая» форма. Совершенный дух опознает в прошлом рациональности свою эмбриональную стадию.

Имманентная потребность в ретроспекции реализована неклассической рациональностью в исторической эпистемологии Т. Куна, утверждавшей непреодолимой несоизмеримостью теоретических точек зрения. Сам Т. Кун, однако, не использует понятие рациональности, но центральное для исторической эпистемологии «понятие парадигмы у Куна неоднозначно. Парадигма может быть общей, характерной для целой научной

эпохи, а может быть и частной, присущей той или иной науке» [6, с. 168], и, таким образом, понятие парадигмы может быть соотнесено с категорией рациональности, понимаемой как историческая формация разума. Кроме того, неклассический характер исторической эпистемологии Т. Куна прослеживается в ее базовых установках. «Устаревшие теории нельзя в принципе считать ненаучными только на том основании, что они были отброшены» [4, с. 20], – считает американский исследователь и отрицает правомерность селекции научных теорий на основании соответствия трансцендентной идее научности. Любая парадигма является уникальным историческим образованием и не может быть возвышена до положения абсолютного образца научности. Таким образом, история научного разума, не подвергнувшаяся тотализирующим усилиям классического разума, представляет собой множество сменяющих друг друга исторических формообразований. Описывая механизм смены парадигм, Т. Кун уделяет особое внимание роли коммуникации между научными сообществами. Парадигма как теоретическая конструкция, задающая определенное проблемное поле, связана с деятельностью поддерживающего ее научного сообщества. Научная революция, результатом которой является формирование новой парадигмы, не приводит к автоматической замене предшествующей парадигмы. Возникает ситуация сосуществования в научном пространстве нескольких парадигм, что предполагает коммуникацию научных сообществ, поддерживающих различные точки зрения. Следует учитывать то, что парадигма как определенная теоретическая точка зрения предполагает существование присущего только ей языка, научное сообщество является одновременно и языковым сообществом. Неклассическая историческая эпистемология отрицает классическую утопию нейтрального языка, благодаря выходу на пространства которого представители различных парадигм смогут достичь трансцендентальной эпистемологической прозрачности и «снять» различия между поддерживаемыми ими точками зрения. «Каждый будет обучен переводить теорию другого и ее следствия на свой собственный язык и в то же время описывать на своем языке тот мир, к которому применяется данная теория» [Там же, с. 300]. Принятие несоизмеримости в качестве руководящей установки выдвигает проблему перевода в центр неклассической эпистемологии [1]. Коммуникацию между научными сообществами, следуя за Т. Куном, можно определить как отношения, основанные на взаимном переводе языков парадигм, конкурирующих между собой. В таком случае критерием успешной завершенности смены парадигм может считаться окончательный переход представителей господствующей ранее теоретической точки зрения к употреблению языка новой для них парадигмы. Здесь, на наш взгляд, требуется внести некоторую коррекцию в установку неклассической ретроспекции. В описании механизма смены парадигм через коммуникацию конкурирующих научных сообществ Т. Кун заложил возможность реставрации классической формы рефлексии над историческими основами рациональности. Запрет на опыт владения несколькими языками ведет к тому, что язык господствующего научного сообщества может быть превращен в закрытую тотальность, тогда как перевод на него языков отошедших в прошлое парадигм выступит в качестве лингвистического «снятия» их инаковости. Признание подобной опасности заставляет принять исходность владения несколькими языками как конституирующего измерения лингвистического опыта. Заброшенность субъекта в лингвистическое множество, рассматриваемое классической рациональностью как клеймо онтологической ущербности и эпистемологического падения, для неклассического разума является, напротив, конститутивным условием познания. «Ситуация множественности языков первична, но позже на её основе создается стремление к единому универсальному языку (к единой конечной истине)» [5, с. 13]. Попытка последовательного проведения классической установки на «снятие» исходного лингвистического множества и достижения искусственной универсальности обречена на провал в силу того, что герметичность языкового пространства убивает возможность смыслопорождения. «Минимальной работающей семиотической структурой является не один искусственно изолированный язык или текст на таком языке, а параллельная пара взаимно-непереводимых, но, однако, связанных блоком переводов языков» [Там же, с. 151]. Коммуникация, являясь условием рождения смыслов и ключевым эпистемологическим механизмом неклассической рациональности, требует признания множественности точек зрения и запрета на допущение возможности их перевода на некий универсальный нейтральный язык, в пространстве которого будет распутано диалектическое наличное многоголосие. Опыт конструирования искусственного универсального языка показал его неспособность к естественному воспроизводству своих структур. Функционирование подобного языка зависит от наличия лингвистического множества, которое выступает его предпосылкой. Абстрактно-универсальный язык обладает узким и инструментальным по своему характеру пространством для своего использования, что предопределяет неудачу в проектах создания лишней избыточности и разрывов лингвистической ткани, которая могла бы обеспечить кристаллизацию опыта субъекта.

Если неклассическая ретроспекция задержится на стадии фиксации инаковости формаций рациональности прошлых эпох, то это вряд ли можно считать последовательным проведением логики дополнительности. Дополнительность в данной ситуации будет сведена лишь к абстрактной соположенности или наслоению замкнутых на себя страт, как это произошло в проекте археологии гуманитарных наук М. Фуко. Классическую рациональность, подвергшую себя самогерметизации, такое непоследовательное проведение принципа дополнительности вполне устроит, что вряд ли может быть отнесено на счет неклассического разума. Стоит вспомнить, что принцип дополнительности предполагает множественность точек зрения, вписанных в онтологическую структуру мирового Целого. Несоединимым точкам зрения в лингвистическом пространстве соответствуют неэквивалентные языки, которые не поддаются исчерпывающему переводу или взаимному погашению, или «снятию» на территории универсального искусственного языка. Точка зрения, не являясь «чистой» эпистемологической категорией, сопряжена с вовлеченным в мировое Целое жизненным миром,

с определенным модусом бытия, экзистенциальным проектом. Каждая точка зрения обеспечена соответствующим ей языком, в котором кристаллизован присущий ей опыт существования. Однако точка зрения, взятая как герметичная сущность, не может произвести события субъекции. Для запуска механизмов субъекции необходимы пересечение, столкновение или диалогическая коммуникация нескольких точек зрения. Данное условие не является трансцендентальной императивной формой по отношению к жизненному миру и истории субъекта. Конститутивное в онтологическом порядке первичное полиглотическое измерение лингвистического опыта субъекта задает не подлежащую снятию возможность быть вовлеченным в мировое Целое с нескольких точек зрения. Таким образом, заброшенность в лингвистическое множество не является результатом изгнания субъекта из утробного эдема, определенного одним единственным божественным языком. Субъект определен в онтологическом отношении и мотивирован в эпистемологическом измерении исходной полиглотической ситуацией, выдвигающей имманентное требование по взаимному переводу языков. Именно в постоянно возобновляемых субъективирующих усилиях по взаимному переводу языков наращивается онтологическое присутствие и соучастие в мировом Целом субъекта. Непредсказуемость и диалектическая напряженность перевода нюансирует точку зрения субъекта. Обнаружение полиглотизма как создающего условия для кристаллизации онтологических структур субъекта позволяет отказаться от прояснения проблемы первичности автокоммуникации и коммуникации с трансцендентным измерением других жизненных миров. Имманентная коммуникация производит «вытalkingвание», трансценденцию к иным жизненным мирам, которые, в свою очередь, не могут замкнуться путем бегства в онтологическое одиночество. Имманентная коммуникация и коммуникация с трансцендентными мирами поддерживают друг друга. В диалоге происходит преодоление отношений исторической последовательности как темпорального эквивалента пространственной соположенности. Неклассическая рациональность не может довольствоваться «соседством» с классическим разумом, вступает с ним в напряженный диалог. Таким образом, классическая рациональность должна быть выведена из спячки своей герметичности и в коммуникации с неклассическим разумом отстоять свой классический статус. Имманентная классическому разуму потребность в самогерметизации вводится как вторичный по отношению к открытому диалогу с неклассической рациональностью момент. Абстрактности одностороннего перевода с одного языка на другой стоит противопоставить конкретность диалогического отношения. Логика дополнительности позволяет удержать инаковость классической рациональности не только как мертвого исторического формообразования разума, а как живого участника диалога, судьба которого кристаллизуется в общении. Отвечая на обращенные к нему со стороны неклассической рациональности вопросы, классический разум, в свою очередь, вопрошает неклассическую рациональность. Неклассика определяется классикой, равно как и наоборот, не во внешнем сопоставлении, а в диалогическом отношении.

Список литературы

1. Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008. 704 с.
2. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание / пер. с англ. В. А. Фока, А. В. Лермонтовой. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 151 с.
3. Дынин Б. С. Онтологическая диалогичность мира: признание трансцендентного // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 105-114.
4. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налегова. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2009. 310 с.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
6. Мельвиль Ю. К. Пути буржуазной философии XX века. М.: Мысль, 1983. 247 с.
7. Порус В. Н. Парадоксальная рациональность (очерки о научной рациональности). М., 2002. 352 с.
8. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. Развитие идей от первоначальных понятий до теории относительности и квантов / пер. с англ. С. Г. Суворова. СПб.: Амфора, 2013. 304 с.

CLASSICAL LOGIC OF REMOVAL AND NON-CLASSICAL LOGIC OF COMPLEMENTARITY

Dubrovskikh Aleksandr Aleksandrovich
Voronezh State Pedagogical University
dybrowskyh@mail.ru

The article examines the problem of the interrelations of classical rationality and non-classical mind as two historical and logical formations. The author believes that historical retrospection on the forms and structures of rationality is a constitutive purpose of mind. The classical form of retrospection is determined by the logic of removal, non-classical historical reflection – by the logic of complementarity. This conception makes it possible to solve the problem of the correlation of two formations of rationality on the basis of dialogic communication.

Key words and phrases: classical rationality; removal; non-classical mind; principle of complementarity; communicative purpose; dialogic Whole.